

Поэзия — это способ сказать в единственно возможной форме о каждой конкретной вещи. Спектр этих вещей (явлений, чувств и т. д.) индивидуален — это темы творчества автора; и способы разговора с читателем индивидуальны — это авторская поэтика. Может показаться, что при таком подходе поэтическое произведение становится замкнутым, герметичным и «сделанным». Но при этом текст оказывается цельным и насыщенным: тема раскрывается единственно приемлемым для автора сочетанием звуков, слов, средств выразительности и стихосложения, графических и интонационных средств

и т. д., а ученическая сделанность перерастает в органичность и стихийность. Сначала форма преодолевает и упорядочивает содержание, но затем содержание находит, выстраивает для себя самую уютную форму. Ни одно слово нельзя заменить, не утратив что-то в этом едином организме, ни одно слово не оказывается лишним, случайным, проходным. Каждый элемент для чего-то нужен, а в совокупности они помогают читателю взглянуть иначе на тему произведения, погрузиться в художественный мир автора, приблизиться к общению, подняться над текстом и, конечно, удивиться этому новому взгляду.

Анастасия Трифонова

* * *

Вот тебе, Марина, дом,
два ствола за окном.
В переулке не святой,
большевик идет с косой.

Вот тебе, Марина, дочь,
уноси ее прочь,
бей окно и улетай,
в небе сотни белых стай.

Вот тебе, Марина, сын,
на руках неси,
в отчий холод возвращай,
до последнего качай.

Вот тебе, Марина, жизнь,
бечевою привяжись.

* * *

Живи, живи, живи-ка
побегом ежевики,
колючей, красно-черной,
живи жизнеупорно.

Спешу, спешу напиться
и в поисках живицы
суглинистую почву
переживай сверхточно.

За высохшей подпоркой
тянись, тянись до кромки
заоблачного рая,
тесемку разрывая.

* * *

Ирине Эфрон

Качается дверной проем,
кончается дневной покой —
соседних комнат разговор:
— Дверь в детскую прикрой.

Борис и Глеб глядят в окно,
зовут сквозь деревянный скрип
бежать то в Муром, то в Ростов,
в тень брата и сестры.

Ногам — сучить, но не уйти,
привязанность — длина пути,
не протоптать тропу.

Напеву — в теплом горле биться
и в зиму вылететь синицей,
и не достаться никому.

* * *

Черный крыжовник, изабелла северных дач,
отведи дурного соседа десятой дорогой.
Разлапистый куст колюч, и укол горяч,
и крыжовенное вино горячит и горчит немного.

Царь царей, мичуринское дитя,
сколько болезней вынес, которой влагой
напитан, если каждый плод венозная чернота
пронизывает и рвет, как слова бумагу.

К телу ближе своя земля — дыши, трудись.
С безголовой бутылкой долу хожу по кругу,
и крыжовник черный мне продлевает жизнь,
прививаюсь, колюсь — от какого-такого недуга.

* * *

«Лети к воде, мой камешек усталый
от многолетней статики на берегу,
пускай волна под языком катает», —
приказываю мысленно и вслух,

но безуспешно. Разве птицей малой
встряхнется от песка и нет как нет.
Какая сила в небо поднимает,
земное оставляя на земле?

Какая тяжесть руки так гипсует,
что камешек не бросить в водоем?
О, известняк, подумай на досуге,
по ком лежишь. И полетишь по ком.

* * *

Я бегу к Тебе, Господи мой,
в памяти раздается пяточный бой.

Где вчера асфальт, сегодня трава:
прорастает быльем голова.

В законных тучах прогал найду.
Как могу, каждой мыслью бегу.

* * *

Из детства деревянные бочонки,
когда лото уже сидит в печенках

и к горлу подбирается обида
из-за того, что карточка открыта,

а у других осталась пара чисел.
Нечисто дело, дело-то нечисто.

Ревешь в рукав. Сказал бы кто — утешься,
чем больше в клетках темноты кромешной,

тем ярче день играет на просвет,
глубинной рыбой обнажив скелет.

Гремит мешок. Что в нем еще таится?
Но длится партия и, слава Богу, длится.

* * *

Что носишь в себе, человек человечевич,
Какие болезни и противоречия?

Какую нездешнюю птаху-чирикалку
ты слушаешь, ночью записки чирикаля?

На сколько вопросов инерции хватит,
покуда успеешь, покуда не хватятся?